Юлия Бекенская

НЕСКУЧНАЯ КНИЖИЦА ПРО...

Юлия Бекенская

Нескучная книжица про… (сборник)

«Издательские решения»

2014

Бекенская Ю.

Нескучная книжица про… (сборник) / Ю. Бекенская — «Издательские решения», 2014

Про любовь. В широком смысле.Это женская книга, и если бы она была бумажной, к ней обязательно прилагался бы клетчатый плед. В электронном формате – уютное чтение для барышень.В сборнике чертова дюжина рассказов и «Маленькая лесная повесть», основанная на реальных событиях. Героиня, переживающая предательство мужа, отправляется в затерянную среди новгородских лесов деревеньку, чтобы помочь в поисках пропавшего человека. Многое из того, что произойдет в глуши, ей покажется мистикой. Для деревенских это – обычная жизнь.В рассказах – любовь, боль, дороги, приключения, немного рок-н-ролла и фантастики. Героини – девочки, барышни, бабушки. От пяти до «шестидесяти плюс».

© Бекенская Ю., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

Маленькая лесная повесть 6
Глава 1. Про беду и дорогу 6
Глава 2. Про лешачьи шутки, домового и супчик 11
Глава 3. Про бабку-психоаналитика 17
Глава 4. Про Кощея, барбоса и большую сельскую пьянку 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Нескучная книжица про…
Юлия Бекенская

© Юлия Бекенская, 2014
© Маргарита Лебедь, обложка, 2014

Редактор Андрей Селезнев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Маленькая лесная повесть

Глава 1. Про беду и дорогу

Когда она собиралась, торопливо, впопыхах, сестра, с явной претензией, спросила:

– Какого черта ты туда едешь?!

– Конечно, надо ехать, – торопила мама, – беда-то какая! Езжай. Ни о чем не волнуйся. За Андрюшей мы присмотрим.

– Какое тебе дело до отца этого ублюдка? – негодовала сестра.

– Его отец – Андрюшкин дед, – возражала Наталья.

– Тебя поманили, ты и побежала. Как шавка.

– О чем ты, Таня? Горе у людей. Не чужие же. Если никто никому помогать не будет, – Наталья не выдержала, – все и станут злющими. Как ты!

– Делай что хочешь, раз тебе на себя наплевать, – и сестра швырнула трубку.

Пробираясь по вечерним пробкам, Наталья думала, что, конечно, время выбрано неудачно. Лучше было бы выспаться и со спокойной душой ехать завтра – все равно к вечеру была бы уже на месте.

Но не сиделось. Вспоминая слова сестры, размышляла, как по-разному отнеслись близкие к тому, что случилось в ее жизни несколькими месяцами раньше.

Сперва, конечно, девчонкам на работе рассказала. С утра пораньше. Всю дорогу держалась, а в конторе как разревелась…

Стали спрашивать, она и выдала:

– Гена ушел. Другая у него.

– Вот сволочь, – шарахнула папкой по столу Маринка, – я бы таких кастрировала!..

Она вспомнила, как повстречала Маринку. Наталья тогда только устроилась на работу и шла по коридору за кадровиком. Впереди шагала блондинка в убийственном мини и ярко-зеленом топе, не скрывавшем роскошных форм. Дева, цокая каблуками, свернула в кабинет за номером 205.

– Только не двести пятый, пожалуйста, – шептала Наталья.

Кадровик распахнул перед ней дверь комнаты 205.

Ее окатило перезвоном мобильников, шумом улицы из распахнутого окна, бурчанием ксерокса; параллельно кипел скандал: огромный детина с распаренной мордой ругался с давешней блондинкой из-за какого-то договора.

– Милые дамы, разрешите представить, – начал кадровик.

Но его не слышали. Еще одна мадам, глядя в монитор ореховыми глазами, заорала через весь кабинет:

– Юль, какое назначение платежа клацать?

– Чтоб вы подавились! В том числе НДС, – донеслось из угла, где, не поднимая головы, стучала по клавиатуре еще одна будущая коллега.

– Подожди! Я тебе еще не все сказала, – рычала блондинка в спину улепетывающего верзилы.

Вот попала, пронеслось в голове. Что же они все так орут?!

Вопреки опасениям, обитательницы двести пятого оказались нормальными, душевными барышнями. Быстро сдружились.

Немудрено, если честно: так уж Наташка была устроена, что умела подстраивать под себя любое пространство.

На новом месте чуток передвинула стол, повесила яркий календарь, поставила семейные фотки – стало веселее.

Девчонкам, с их вечной диетой, пришлись по вкусу Наташины пирожки.

В конторе теперь пахло выпечкой и мандаринами – таскать из дома вкусненькое с ее приходом вошло в традицию.

Реанимировала офисные цветы – негодяйки их чуть не сгубили, сливая под корни остывший кофе. Неделька-другая – и на новом месте стало хорошо и уютно – так, как она любила.

Свет фар впереди, сзади, сбоку – куда не кинь взгляд. Пробка, ежевечерний городской пейзаж. Ну, раз уж собралась – деваться некуда. Стой, как все.

Муж рассказал ей все сам. Столько лет прожили вместе, вот и привыкли делиться. Выдал, а потом в глаза заглянул:

– Что мы теперь будем делать?

Красиво сыграно, думалось позже, когда отревела свое. Хороший ход, честный. Ничего от жены не утаил. Семью сберечь хочет.

И выбор у нее теперь небогат: закрыть глаза на то, что происходит, и тем самым выдать карт-бланш на походы дальнейшие.

Или отрезать. Расстаться, и быть виновной в том, что ребенок растет без отца.

Потому что сыну сказано будет – так мама решила. А я не хотел.

Красиво. Со всех сторон.

Разбежались не сразу. Пытаясь хранить видимость отношений, несколько месяцев жили под одной крышей. Хотя, что могло быть нелепей – изображать семью, чтоб не травмировать сына. И уик-эндовая эта пытка, с совместным походом по магазинам и в кино. Чтобы все, как у людей. Боже, как было больно!

На Генку словно надели стеклянную банку. Невозможно достучаться – он ее не слышал. Не действовали никакие доводы. Твердил словами чужими:

– Отпусти меня. Я тебя не люблю. Это привычка. Между нами давно все кончилось.

Так он не говорил никогда, и было у Натальи чувство, будто за него говорит кто-то другой.

Она вставала ночью, садилась в машину и рулила, давая волю слезам, с тем, чтоб найти себя утром на кольцевой в районе Кронштадта. Струна натягивалась, и, как ни крути, должна была лопнуть.

Лопнула. Муж собрал вещи и ушел.

«Поживем отдельно» – мягкая формулировка взрослых, которые все понимают.

Дети честнее. Андрюха, уйдя к себе, долго переваривал новости, а выйдя, спросил:

– Ма, а зачем ты ему ключ оставила? Это наш дом. Пусть звонит, если хочет зайти.

И нельзя ведь сказать, что ударило, как гром среди ясного неба. Но прежде Наталья замечать не хотела блестящих мужниных глаз.

А ведь были звоночки. Такое чувство, что он нарочно прокалывался. Играл в шпионов: бросал телефон с пикнувшей смс-кой, краснел ушами.

Будто провоцировал: поревнуй меня! Если удавалось, пил ее слезы.

Что может быть слаще: и там хороший, и здесь красивый. И тут по нему плачут, и там его ждут.

Наталья думала, что сможет балансировать. Оказалось, нет.

Перестроилась вправо, подтягиваясь к повороту на кольцевую. Судя по плотности потока, тут предстояло ей провести минут сорок. Мигнули фары, и кто-то пропустил ее видавший виды «Фольксваген». Теперь, пожалуй, двадцать минут. Жизнь налаживалась.

Коллеги к ее беде отнеслись с пониманием. Хотя Наталья заметила, что вокруг нее образовался тихий вакуум. Лишний раз ее старались не тревожить, не спрашивали, чтобы не бередить раны. А ей от тишины становилось лишь хуже. Никак нельзя в такие моменты человеку быть одному.

Подруги разделились во мнениях.

– Все образуется, говорила одна, – столько лет вместе прожили. Перебесится. Вернется.

Оптимизм казался Наташке наигранным. Будто не хотелось подружке вникать в проблемы, и она щебетала первое, что в голову пришло, чтоб быстрей свернуть тему.

– Будем влюблять его в тебя обратно, – говорила другая и тащила Наталью в солярий и по бутикам.

С сомнением глядя в зеркало очередной примерочной, в который раз задавала себе Наташка вопрос – и на фига это все?

Если разлюбил, то, сколько не украшайся, не поможет. Как ни запаковывай тушку в новые блузки и платьица, лишние килограммы не пропадут. И чертово отражение не трепетной ланью выглядит, а вполне откормленным бегемотиком.

И какая разница, с каким цветом кожи реветь по ночам: золотисто-бронзовым, как обещает реклама солярия, или серо-зеленым, как бесстрастно констатирует зеркало?

– На фиг он тебе сдался, ты сама справишься и будешь счастлива, – убеждала сестра.

Явно свои задачи решала.

Наталья давно заметила, что чаще всего «не нужны нам никакие слюнявые мамонты» кричат барышни с незадавшейся личной жизнью. И кто виноват – гадкая вторая половина человечества (все как на подбор, сволочи, бабники, мужланы и тупицы), или женская косолапость этих барышень – вопрос открытый.

С сестрой можно, конечно, сладостно перемыть кости мужикам вообще и конкретному Генке в частности. Но изредка. Чтобы перековать обычную замужнюю женщину в предводительницу банды феминисток, требуется нечто большее, чем регулярное повторение мантры «я сама!»

– К гадалке надо пойти, его приворожили, – твердила соседка.

Угу, к Бабе Яге в ступе тоже неплохо, мрачно кивала Наташка. А что, связку сушеных жаб разлучнице в грызло, и раскаявшийся милый вновь падает в твои объятия. Только вот в дефиците нынче Бабки Ёжки – переквалифицировались в налоговых инспекторов…

Вырулила на кольцевую. Фонари на обочине замигали быстрее. Разогналась до бешеной скорости, аж 30 километров в час. По радио сулили дожди. Август.

Лето кончается.

Тяжко, конечно, было – она привыкла жить семейными делами, а тут они сократились ровно на треть: осталась вдвоем с сыном Андрюхой. Обормот пубертатный, как он изводил ее прежде! Оттачивал подростковое хамство на матери. А тут – изменилось все в одночасье. Повзрослел будто вдруг, сказал:

– Мама, зачем он нам? У тебя есть я.

Не простил отца. Вычеркнул.

Сын отрезал, а Генку мотало – привык быть хорошим и здесь и там. Не мог просто так их оставить.

Приезжал, интересовался делами в школе, деньги приносил… не хотел понимать – уходя, уходи.

Отставив ее в слезах, через время появлялся снова.

Они возвращались с Андрюшкой домой и обнаруживали холодильник, под завязку набитый продуктами. Теми, что они любят.

Он пытался ухаживать за ними и одновременно жить там. Жил на две семьи.

– Зачем?! – орала Наташка беззвучно, – что за радость резать этот хвост по частям? Почему нельзя уйти совсем?

Только она успокаивалась – история повторялась. Так и длился все месяцы этот странный тяни-толкай.

И до сих пор не кончается.

Развестись официально не успели. Генка приходил, недоумевая: я же помочь. Вы же мои родные, как тут без меня?

В один из визитов не выдержал сын. Отодвинул ревущую мать, сказал:

– Пап. Шел бы ты отсюда. К себе домой, – и за дверь выставил.

Успокаивал Наташу, потом произнес:

– Мам, одевайся. Пойдем гулять.

Не слушая возражений, за руку взял и повел в аптеку.

Строгая фармацевт смотрела на сына поверх очков:

– Зачем тебе успокоительные?

– Не мне, – объяснил Андрей, – маме. Видите, она плачет все время? Только нам такие нужны, чтоб без снотворного. Нам еще машину водить…

Наконец, московская трасса. Стемнело за лобовым. Вечера черные пошли, осенние. Похоже, доберется она в деревню только ночью.

…Когда заболели они с сынулей, Генка тут же примчался. Притащил горчичники, фрукты. Бегал в аптеку, ставил градусник, шипел озабочено – как я вас одних оставлю?

Андрюха башку с кровати поднял:

– Мама, когда он уйдет?

Наталья и разревелась бы, а тут и сил не было – лежала пластом. И хорошо.

Когда плохо телу, душе не до рефлексии. И все ж на краешке мыслью пронеслась – вдруг останется?

Тут же запел телефон. Генка трубку взял, потеплел глазами. Засобирался. Туда, к ней. Неглупая баба, должно быть. Чувствует. Держит его. Не отпустит.

Болела она тяжко. Горло саднило, температура зашкаливала, плюс рядом собственный детеныш пластом лежит.

В один из дней накатило, будто на ушко кто зашептал: и кто ты теперь? зачем? кому ты нужна?

Писал, выводил диагноз невидимый кто-то, будто старушка-врач из поликлиники лапкой царапала – неудачница. Никому и ни к чему. Отстукивал секунды в висках метроном: Никому. Ни к чему.

Выкарабкивались потихоньку, с сыном на пару. Того отпустило чуть раньше. Он готовил матери чай, метался в кухонном чаде с котлетами.

Вдруг ощутила Наташа сына по-новому. И он подтвердил это новое репликой:

– Мам, мне не важно, с кем ты будешь. Главное, чтоб тебе нормально было. Ты – женщина, о тебе заботиться надо.…

Замигала на обочине чья-то аварийка. Пронеслась, осталась позади. Вот и у них с Геной авария по всем фронтам.

Затекла шея, глаза устали от дороги; а ей еще двести верст отмахать.

Отболели, поправились. Перемололось. Холодила горло порой ненужность. И обида, конечно.

Привыкла.

Сын не по-детски насмешливо, с любопытством, пялился при встрече в отцовы глаза. Генка взгляд отводил, терялся.

Это какой-то бег по кругу, думала Наталья. Уйдя к другой, которая, наверно, лучше, красивей и моложе, Генка так и не определился, с кем ему быть.

Вспомнила странную сцену, которую он закатил. Что это было? Ревность? Чувство собственника?

Наталья с Андрюшкой собрались на выходные к друзьям на дачу. Генка позвонил и стал орать в трубку.

В полном изумлении Наташка слушала его возмущенные вопли. Пока не дошло, что он, как петух, привык контролировать всех своих кур. Даже не нашлась что ответить, хотя билось в мозгу: какого черта? Что теперь ему за дело до них?

Они пока не тревожили родителей – ни его, ни ее. Как раз на днях собирались идти писать заявление на развод.

Тогда и скажут.

Когда Гена позвонил, Наталья была к разговору готова. Но услышала совсем другое.

– Наталь. У меня батя пропал, – голос Генки звучал глухо, издалека. – В лес пошел и не вернулся. Я туда еду. Мама при смерти. Лежит, не встает. За ней ухаживать некому, соседка только… Я хотел попросить, чтобы ты приехала, – и, не успела Наталья рот открыть, закричал в трубку, – да все я понимаю, не имею никакого права тебя просить, но некого мне, понимаешь?.. Пожалуйста.

И, не давая сказать, продолжил:

– Я сейчас из связи выпаду, скажи – ты приедешь?

– Да, – выдохнула она, – Приеду.

– Спасибо тебе. Спасибо.

По крайней мере, не было проблем с родителями – беду они восприняли, как свою. А вот сестра… от разговора с ней на душе у Натальи было паршиво.

– Он тебя использует, слышишь? Как делал это всегда. Сейчас ты ему нужна, а потом ноги вытрет и выбросит…

Может, она и права. Но Наталью удивляла горячность и злоба, с которой близкий человек пытался решать ее судьбу.

Слепили в лицо фары встречных машин, мелькали предместья. Впереди ждали леса – глухие, новгородские. Неслась навстречу дорога – лихая, с частоколом елок по обочинам. Наталья рулила и думала – как у Генки дела?

Глава 2. Про лешачьи шутки, домового и супчик

А Генка носился целыми днями с мужиками по лесу.

– Аууу!

– Семеееен!

День за днем овраги, буераки. Спозаранку и до ночи. Зябко утром с недосыпа. Сыро. Мужики ежились, зевали, ныряли в машину и – в лес.

– Эге-гей! Семен!

Орали, сигналили.

– Кажись, там аукнулось!

Бегом через чащу, только ветки по морде хлещут да паутина липнет.

Ох, и веселился, наверное, хлопал в ладоши леший, посвистывал да постанывал, водя кривыми дорогами незадачливую команду.

«Нива» буксовала, ревела на ухабах. Погромыхивала, но обороты держала.

Один говорил: надо у озера искать! Летели к озеру.

В овраг скатился, говорил другой. Неслись к оврагу. Едва не ломая ноги, спускались вниз:

– Семеееен!

Издевательски ухала безымянная птица. А может, леший хохотал, за щеки держался. Все одно – без ответа. Хоть заорись. Куда дед сгинул?

К вечеру ближе чуть не до смерти перепугали одного. Огонек увидали и понеслись. Может, дед сигнал дает? Рванули на свет.

А там идиллия. Костерок в черной глади отражается. Озерцо, воронка от снаряда, у воды – грибничок, тушенку из банки трескает.

Только фляжку поднял за удачный поход, подлетел в клубах пыли замызганный джип, вывались из него с матюгами пятеро здоровенных заросших мужиков.

Бедолага струхнул. Так и застыл с фляжкой. А гоблины трусцой вокруг костра обежали, грибника со всех сторон осмотрели:

– Не он?

– Не он.

– Мужик, ты никого тут не видел? – спросили.

На морду его поглядели, стало ясно – не будет ответа. Плюнули, выматерились, обратно в машину прыгнули и были таковы.

Долго еще в ступоре сидел бедняга. Не исключено, что после этого и пить зарекся. Усталость. Матюги. Безнадега. К вечеру и вовсе кажется, нет ничего бессмысленней, чем вот так метаться по лесу и драть осипшие глотки.

– Ну, что, на сегодня хватит?

– Давай домой, темнеет уже, все равно не увидим ни черта.

Вломились в холодную избу, и опять – не первый день уже – обнаружили, что жрать нечего. Генка за занавеску заглянул:

– Мама, ты как?

– Плохо, сыночек. Совсем плохо.

Вскрыли тушенку, нагрели чай. Проглотили, не заметив, и попадали на матрасы, засыпая в полете.

Один Генка ворочался, маялся. Мать в лежку, горем подкошена. Слава богу, соседка к ней ходит. Ему некогда – отца искать надо.

Наталья должна бы уже приехать. И не позвонить, как она там, скоро ли доберется. Барахлит сеть, плутают радиоволны над лесами.

Когда пропал отец, понятно стало: кому-то к матери ехать надо. Генка тут же представил – кроме этой беды, он еще сюда с Маринкой заявится. Нет, она, конечно, может, маме и понравится, только куда ее тут? Мать еле живая, а тут – новый стресс. Сын семью поломал, с сожительницей приехал.

Если честно, не очень-то он представлял Маринку тут, в деревне. В городе другое дело.

Слушает его, в рот смотрит, хлопает глазами-блюдцами. Плохо ей одной было, у нее же совсем никого. Родители далеко, детей нет, мужа и подавно. Генка для нее – свет в окошке.

Хотя, если по-честному, встреться ему Маринка случайно, он бы, может, и внимания не обратил.

Но по работе все время пересекались. Она секретарем работала, он – водителем. Подвозил ее пару раз. Заметил, что бойкая лиска с ним наедине вдруг становилась смущенной и тихой. Нравился он ей, Генка чувствовал. Невинная игра грела душу. А потом…

Заигрались. Пожалуй, так. Она хорошая, ласковая. Ценит.

А Наташка привыкла, разбаловалась. Есть муж рядом. Как в анекдоте: «Рядом, я сказала!». И никуда он вроде не денется.

Конечно, не испытывал Гена злорадства – не чужой она человек, не хотелось делать ей больно. Жаль, что так вышло. Но она сама должна была понимать? Ясно, что к хорошему привыкаешь быстро. Между прочим, таких, как он, еще поискать…

Вспомнил напарников. Один спивается, у другого пузо до земли в неполный тридцатник, третий на глазах сыплется: язва, сердце. А послушаешь, что про семью говорят… Жена – убил бы сволочь, задолбала, дети – тупицы, теща с тестем – людоеды-мутанты…

Наталья привыкла. Есть он, Генка, и не денется никуда. Встаешь зимой в пять, машину ей прогреть, почистить, чтоб на работу села и поехала. В ответ – спасибо, вскользь. Будто так и положено. Угу, поплясала бы сама на морозе с утра…

Да нет, вроде и ценила она его, и сама заботилась. Он без претензий. Но как-то это… обыденно все было, что ли.

Вспомнил распахнутые Маринкины глаза, когда заявился к ней вечером с охапкой роз. Как она расплакалась: мне никто такой красоты не дарил! Блин. Приятно быть первым. Волшебником стать из-за пустячного, в общем, подарка.

Глазищи влажно сияли, руки обвивали Генкину шею, и чувствовал он себя настоящим мужиком. А не мужем, семейной шлейкой к жене пристегнутым. Распрямлялись плечи, и рядом с миниатюрной Маринкой чувствовал он себя высоченным и мускулистым.

А на Наташкином фоне вечно терялся – бывшая жена проходила, хм, по другой весовой категории. Хотя лет пятнадцать назад, до Андрюхиного рождения, была такой же хрупкой и невесомой, как его Маринка сейчас…

Баюкая, калейдоскопом менялись перед глазами картинки: Маринка с охапкой роз, мельтешение елок над лобовым, зареванная Наташка…

Только б не заблудилась по дороге. Только бы мать в себя пришла. Только б отец нашелся. Только б…

Так и заснул.

Анна Степановна проснулась в восемь, мужиков уже и след простыл.

Помирала она четвертый день. Как пришла страшная весть, так и легла. Только сперва стаканчик хлопнула, для храбрости.

А куда деваться? Раз прибрал бог милого друга, и ей следом пора. Ну, скажите на милость, что теперь? Старая, одинокая. Никому не нужна. Дети взрослые, у них своя жизнь.

Только пока что-то не помирается. Может, сегодня? В домишке сыростью тянет – протопить бы. Хотя зачем? Не вернется Семен. Предчувствие у нее. И ей за ним, на тот свет, пора отправляться. Нечего тут рассиживаться. Надо бы за дела приниматься, а нету сил. Одна она теперь.

Разве что соседка заглянет, бульончиком попоит, да в ночи мужики примчатся, голодные. И снова с пустыми руками. Пожуют всухмятку консервов да огурцов, и рухнут, чтоб вскочить в полпятого и опять унестись.

Хороша деревенька у них. Пятнадцать домов. Старики, и молодежь тоже есть. Не первое лето уже они с Семеном тут проводили. Полгода в городе жили, потом здесь.

В деревне их знают: они с Семеном из этих мест. В лес всегда ходили, огородик сажали – как все.

Три дня назад, как обычно, Семен и пошел за грибами. И пропал.

Сын приехал, невестка в пути, племянники. А толку? Старый, он, больной. Ладно, собака с ним. А может, их уже волки съели. Или дед ногу сломал. Или сердце ему схватило. Лежит где-то в чаще.

Может, еще живой. А все равно не найдут. Носятся без толку. Надо бы приготовить поесть им чего? Сил нет.

Анна Степановна поставила чайник, выглянула в окошко. По тропинке вдоль леса кто-то шагал. Женщина, с сумкой через плечо. Бодро идет, как молодая. Людмила, что ли? Обещала помочь. Только будет ли толк?

С проселка Людмила свернула на тропинку, в лес. И сразу почувствовала, как изменилось вокруг пространство. Запахом, шелестом, густотой воздуха обозначилась территория, на которой людские правила значили мало. Поздоровалась про себя, позерство неуместным тут было. Шла по тропе, вспоминая-освежая старые приметы – сломанное дерево, гигантский муравейник. Усмехнулась – на самой верхушке залихватски торчал колокольчик.

Ощущала, как он приглядывается. Слушает. Не боялась – своих не тронет. Что чужих он не одобряет, в том Людмила убеждалась неоднократно. Наблюдала, как уходили незваные гости: промокшие, исхлестанные ветками, обглоданные комарами. С пустыми корзинками шли и сетовали, какими бесплодными и негостеприимными оказались здешние места. А он ругался вслед птичьим криком, бросался шишками, застил глаза липкой паутиной.

Жадность и фамильярность – две вещи, которые не выносил. В этом Людмила была с ним солидарна. Неуважение возвращал сторицей. Но к своим был снисходителен. Не давал пропасть, выводил на нужную дорогу. И, даже если оставлял грибника с пустыми руками, на выходе обязательно подсовывал подарок – горсть пахучей земляники, выводок опят на березе или просто красивую картинку – ну, хоть как этот муравьиный колокольчик – не серчай, дружище, так получилось.

Холщовая сумка зацепилась за ветку. Аккуратно распутать, чтобы не сломать. Не пролилось бы молоко. Молоко и хлеб – простая, веками проверенная трапеза.

Дальше с тропинки следовало свернуть. Точного места Людмила не знала, но направление чувствовала. Пошла влево с тропы, отметив, что на обратном пути солнце должно светить в спину.

По правую руку осталось болотце. Проходя, поморщилась: боль от этого места, прошлой осенью здесь утонул грибник.

Выведет он своих, не бросит. Только свой ли Семен? Странная они пара. Людмила знала обоих с юности. Какой красавицей Анна была. На ее фоне Семен терялся. Ревновал ее, как бешеный, аж глаза белели. Потом поженились, и стала Анна угасать, все серей становилась, неприметней. Старушка теперь. А Семен? Да бог с этим, в каждой семье свой уклад, сейчас главное – выведет ли? Выпустит?

Кажется, здесь. Нужное место. Выворотень навис вертикально корнями – вышел бруствер в рост человеческий. Рядом дуб с огромным дуплом.

У пня и остановилась. Поклонилась в пояс. Присела на землю, развязала сумку. Достала банку с молоком, хлеб – ноздреватый, вручную выпеченный. Положила на землю. Постояла, на солнце прищурившись, прошептала просьбу. Двинулась в обратный путь. Лес принял подношение, не шелохнувшись.

Наташка все-таки заблудилась в проселках, не найдя указателя. Колесила, ругая себя за глупость. С отчаяния остановилась в первой попавшейся деревеньке, вышла из машины. Заполошно крикнул петух, собаки залаяли, и зажглось в одном доме окошко. Она ждала, готовая выслушать все, что о ней думают, и прыгнуть в машину в случае чего.

Наконец, у забора показалась чья-то фигура. Слава богу, матом ее не обложили – страдал старичок бессонницей, на Наташку зла не держал. Объяснил, куда ехать. Оказалось, не далеко.

Рассветало.

А ведь говорили ей, до утра подожди, выспись дома, нечего затемно ехать. Все равно, только к утру попала в деревню.

Постучала. Открыла свекровь:

– Наташа приехала. Родная. А я помру сегодня… Гена умчался уже, ищут, все ищут. Но не найдут. Чувствую я.

Слипались глаза после дороги, но как вошла, по сторонам глянула… рассиживаться некогда.

Притащила из машины сумку с продуктами. Свекрови накапала корвалол, уложила в постель. Печку растопить не смогла, включила электроплитку. Поставила чайник, открыла окошки, проветрить – дух такой, будто стадо немытых слонов ночевало.

Соседка пришла. Сели чай пить, решили Анну Степановну не тревожить.

– Твой, как приехал, прыгнул в Сашкину «Ниву», да в лес. Ищут. Только к ночи и возвращаются.

– Как все случилось? Он один, что ли, за грибами пошел?

– Почему один? Степановна была, я, со мной Лика, внучка. Мы, значит, на грузди набрели. А их знаешь, как искать: ползай себе на четырех костях, да смотри внимательно. Они ж стайками растут. Ну, а Семен и говорит: что это за грибы на одном месте. Пойду вокруг побегаю.

– Ну, дед. Добегался, – Наташка головой тряхнула, – а вы так его и отпустили?

– Да кто ж знал-то?! – возмутилась тетя Маша, – и потом, собака за ним увязалась. Ей тоже, понимаешь, на одном месте неинтересно. Мы перекрикивались, как положено. А потом он отзываться перестал.

Степановна и говорит: он, наверно, дома уже. Ее, значит, воспитывает, чтобы ходила с ним, как пришитая. Мы, главное, всю обратную дорогу еще кости ему мыли, – тетя Маша всхлипнула, – дескать, совсем избаловался к старости, вечно недоволен. А Степановна, – тетка нагнулась к Наташе и понизила голос, оглянувшись на кровать, где дремала свекровь, – и говорит, мол, так замучил уже, хоть бы и вовсе не возвращался! – и посмотрела на Наталью, оценивая произведенное впечатление.

– Теть Маш, – протянула Наташка с укоризной, – ну вы что! – продолжить не успела, зашевелилась свекровь, поднялась, побрела к столу.

– Анечка, как ты сегодня? – засуетилась тетя Маша, – давай, чайку тебе плесну, а то Наташа уже едва на ногах держится.

– Спасибо, Машенька, я сама, – руки нетвердо взялись за чайник.

Наташка смотрела во все глаза. Ну, актриса! Она заметила давно: стоило на семейном горизонте замаячить какому бы то ни было событию, Анна Степановна немедленно заболевала.

Любые семейные перипетии: переезд на дачу, дни рождения детей и внуков, даже приход сантехника неминуемо влекли за собой свекровины хвори. И Генка летел через весь город выручать больную мамулю.

Наталью всегда потрясала разница между ее матерью и свекровью. Ведь ровесницы почти! Мама – не старая подтянутая женщина, свекровь – вечная мученица в засаленном халате. Другой закваски совсем.

Такие женщины будто старушками рождаются. В семнадцать выглядят на тридцать, а с замужеством, если повезет, минуют транзитом молодость и вписываются в интервал тех, кому за сорок, пока не придет окончательное время перекочевать в старость.

– Людмилу сегодня видела, – сообщила свекровь, прихлебывая чай, – в лес пошла.

И говорит она по-другому, думалось Наталье. Шепчет почти. Хворобы – повод для странной гордости. Болячки возведены в ранг личных заслуг. Интересно, зачем? Вколачивать себя в старость, сужать мир, в котором живешь? А мир обижается и сереет. Засаливается, как халат.

– Сказала, сделает все, что сможет, – авторитетно подхватила тетя Маша, – говорит, если живой еще, – голос дрогнул, – то она поддержит. А тебе, Ань, верить надо. И молиться. А то заладила – чувствую, чувствую, правда? – повернулась к Наталье.

– Конечно, – рассеяно ответила она, – найдется, – и спросила:

– А кто такая Людмила?

– Да ты что, – всплеснула руками соседка – не знаешь?

Выпрямилась на стуле, сказала строго:

– Бабка она, ясно?

– Я же тебе, рассказывала, Наташенька, – покивала свекровь, – она меня лечила в прошлом году. И теперь обещала помочь. Вот и тебе бы к ней сходить. Может, если и ты попросишь, она все лучше сделает?

Бабка. Наташка не знала, как относится к этим историям. Самой не приходилось сталкиваться с потусторонним. Колдунов видела разве что по телевизору, да и кто знает – колдуны ли они?

Хотя… случилась не так давно одна история у отца. Наталья тогда так и не поняла, что же произошло на самом деле.

– Сходит! раз надо – значит, пойдет! правда, Наташа? А сейчас тебе поспать надо, с дороги, а я с Аней побуду, – предложила соседка.

– Ты ведь всю ночь не спала, – засуетилась свекровь, – приляг, родная. К Людмиле завтра заглянем, ладно?

Наталья не стала спорить. Легла в соседней комнатушке. Засыпая, слышала уютное бормотание женщин за стеной, и в полусне вспоминала ту историю с ее отцом…

Пропали часы у папы. На даче, после праздника урожая. Пенсионеры-дачники отмечали его каждую осень. Пели, делились компотами-соленьями, наливки дегустировали.

Часы отец оставил в саду на старом, клеенкой покрытом столе. Ушел яблоки собирать, вернулся – часов-то и нету.

Вряд ли кто из соседей позарился, кому они нужны, дешевые. Отцу только и дороги, давно у него. С памятью.

Решили, ворона утащила, любят они блестящее. И гнездо на сосне. Не стали разорять весной, пожалели, хотя вред один от ворон… По утрам орут, первые зеленые ростки норовят сожрать. Чума, а не птицы.

Папа расстроился, конечно. Ну да ладно, Наталья все равно хотела ему новые часы подарить. А тут приехал отцов брат, посидели, и вспомнили про часы.

Брат и говорит – может, домовой прибрал? Посмеялись.

А ты, продолжает, возьми молока в блюдечке, хлеба корку посоли, как себе, да в темный угол поставь. Уважь домового. Может, часы и найдутся?

Ну, и в шутку, за общим трепом, так и сделали.

Утром отец к телевизору подходит – лежат на нем часы, будто всегда и тут и были. Верь – не верь, а часы налицо. Что это было?

Наташка тогда подумала, что, возможно, разыграли отца, специально часы припрятали, а потом назад подложили. А сейчас, в деревеньке среди лесов, эта история уже не казалась такой невероятной…

Через пару часов проснулась, вскочила, и пошла готовить, намывать, менять простыни, приводить домишко в жилой вид.

Свекровь, разбудив Наталью, легла помирать за полог. Но к запахам из кухни принюхивалась не без интереса. Соседка ушла, а от Генки с командой не было никаких известий.

И ведь не виделись с ним уже бог знает сколько. Как они встретятся, подумала Наташа. Но тут же себя одернула. Увидит мужа, тогда и решит. Не главное это сейчас. Пустое.

Затемно ввалились в дом мужики.

Оживились, почувствовав запахи. Обрадовались. Генка подошел, чмокнул коротко:

– Привет, как добралась? – такой же, как обычно, только похудевший и замотанный.

Наталье вдруг почудилось, что и не было у них городских передряг. Просто усталый муж вернулся домой.

– Нормально. У вас какие новости?

Новостей не было. Забирались они все дальше, сегодня чуть не до псковской области. Один лесник видел мельком следы сапог у речушки. И вроде как рядом собачий след.

Полдня ребята прочесывали берег вверх-вниз по течению, и никого не нашли.

Мужчины попадали на стулья, и Наташка бросилась их кормить. Наливала суп, с перепугу кромсала хлеб на чудовищных размеров бутерброды, заваривала чай.

Смотрела. Заросшие, осунувшиеся, голодные, как дворовые псы. Мужики гремели ложками, хлебали, причмокивая, тянули сладострастно:

– Сууупчик… горяченький!

Потом моментально осоловели и рухнули спать – только храп пошел. Генка потолкался было около нее, но чувствовалось, тоже с ног падал. Наталья сказала:

– Иди спать. Вам вставать рано, а я пока приберу и на завтра что-нибудь сготовлю.

Кивнул, спокойной ночи пожелал и ушел. А Наташка, в глаза ему глядя, на мгновение поймала внутри давний, с юности подзабытый, вопрос: – любит?

И тут же осеклась. Не до этого. Сейчас есть работа, которую нужно делать, а в награду – простая радость от того, что, в конце концов, можно будет вытянуть ноги и спать.

Перемыла посуду, настрогала бутербродов – сухой паек ребятам на завтра, и, засыпая, успела подумать еще, как, несмотря на большую беду, легко все сейчас и просто.

Неважно, кто ревновал, изменял. Все сейчас по местам. У каждого своя задача: мужчины ищут, она готовит им еду, свекровь помирает… она усмехнулась. А Людмила-бабка колдует.

Все правильно. Так, как надо.

С тем и заснула.

Глава 3. Про бабку-психоаналитика

Наутро Анна Степановна собиралась к Людмиле.

Охая, влезла в свежий халат: фланелевый, с сумасшедшими огурцами. Запахнувшись, подвязала пояс. На голову намотала теплый платок.

Глянув в окошко, высветившее жаркое августовское утро, Наталья прикусила язык и в тихом изумлении наблюдала дальнейшие сборы: серый плащ поверх халата, синие галоши на белые носки. Бабка, как есть.

Мамулю хватил бы инфаркт, если бы ей предложили в таком виде показаться на людях. Хотя, думается, предложившему самому пришлось бы спасаться бегством.

Людмила жила на другом конце деревни, и все равно – не больше пяти минут ходу. Свекровь шла, согнувшись, опустив голову, по-стариковски шаркая галошами.

Дополняя картину, Наталья взялась поддерживать ее под локоть. Ну, правда, рухнет ведь в такой обуви. А с шерстяным платком на голове вообще тепловой удар может случиться. Так и добрели, под сочувственными взглядами всей деревни.

Людмила, дородная дама в возрасте, встретила их на пороге. Провела в дом, глядя на свекровь, только головой качнула:

– Ань, мы же погодки с тобой. Я на класс младше училась. Ты на себя-то глянь?

Погодки? Наташка во все глаза глядела на «бабку». Одного взгляда хватало, чтобы понять – бабка – это должность, звание – вроде фельдшера или председателя колхоза. Ухоженная, со вкусом одетая. Золотой крестик на шее, пара колец на пальцах, красиво убранная копна темно-русых волос. Ясные глаза, румянец. В возрасте, да. Но никак не старуха.

Людмила тем временем успокаивала свекровь.

– Живой он, Ань, живой. Ослаблен сильно. Если б совсем ушел, я бы знала. А так – здесь он, искать надо. А мне, тебе и всем близким надо его держать. Держать, Аня, слышишь?

Свекровь хлопала глазами и глядела на Людмилу, а Наталья гадала, кто перед ней – растерянная женщина, сама не своя от горя, или актриса, заигравшаяся настолько, что перестала видеть разницу между реальностью и игрой.

– Пока ты, я, дети, родные, – внушала Людмила, – говорим с ним, думаем о нем, представляем его живым, мы даем ему силы. Это очень большие силы, Ань. Ему сейчас много сил надо, чтобы выбраться. Он, конечно, не знает, что от нас поддержка идет, но все равно, ему легче. Он живой, Аня, ты меня слышишь? А ты сейчас в себя приходи. Вы с ним пара, столько лет прожили. Если ты помирать будешь, и он помирать станет, ты меня поняла? Ты должна держаться сейчас. Выздоравливать и ждать. Чем ты живее, тем ему легче, понимаешь?

Свекровь кивнула неуверенно. Людмила подошла, взяла ее за плечи, в упор посмотрела в глаза:

– Аня, ты хочешь, чтобы Семен нашелся? – спросила резко. Та захлопала глазами:

– Не найдется… не найдется, – прошелестела еле слышно.

Людмила глубоко вздохнула и осенила себя широким крестом, явно с трудом сдержавшись, чтоб не слетело с губ крепкое словцо, и повторила вопрос:

– Ты хочешь, чтоб Семен нашелся?

И тут Анна, наконец, проснулась:

– Господи, да конечно, хочу! Да как же я без него? Да вдвоем-то хорошо. Сядем у телевизора, я ему чайку налью, и он рядышком, да так все ладно! – забормотала она.

– Вот так и говори. Позови его, Ань. Скажи, что ждешь. А он тебя, дай бог, услышит.

Со свекровью что-то происходило. Похоже, актриса выпала из образа. Подошла к окну, тихо поскребла пальцами по стеклам и произнесла:

– Семен, Семушка, родной, вернись, пожалуйста. Я тебя жду, слышишь? Выходи скорей. Возвращайся, родной. Мне без тебя очень плохо.

И заплакала. Тихо, по-бабьи.

И тут до Наташки, наконец, дошло: эта поза, это ее вечное умирание были связаны только с одним: свекровь просто не умела, не знала, как переносить большую беду, а, когда, наконец, дала волю горю, обратилась в обычную женщину – усталую и очень несчастную.

Людмила подошла и обняла ее.

– Вот и хорошо, и правильно. Ты поплачь по нему. Твои слезы дорогу найдут. Он поймет, он тебя услышит. А теперь – иди домой, вот тебе образок, – сняла с полки маленькую иконку, – помолись. И поплачь. Полегчает. И, милая, в зеркало посмотри. Ну, представь, выйдет твой Семочка, а ты его в этих огурцах встречаешь. Да он с перепугу опять в лес сбежит!

Свекровь нашла в себе силы улыбнуться, подняла руки к голове, с удивлением обнаружила там платок, встряхнулась, будто просыпаясь.

– А сейчас иди, Анечка. А мне с твоей невесткой еще пошептаться надо, – Людмила проводила ее до двери.

Наблюдали в окно, как она спустилась с крыльца и решительно двинулась к дому.

Наталья смотрела с легкой оторопью, и про себя отметила: неясно, какая Людмила колдунья, а психолог – замечательный.

А сейчас на нее глядели теплые голубые глаза.

– А ведь не зря тебя сюда занесло…

Рассказать или нет, разрывалась Наталья. Смолчать? Спросить совета? Или она и так все знает? Хотя с кем еще поделиться? Она даже свекровь сумела привести в чувство.

Людмила продолжала:

– Боли у тебя головные частые, вот здесь, – приложила ладонь себе чуть пониже затылка, показывая, – и здесь, – прикоснулась к правому виску, поморщилась, – спину часто прихватывает, пятый-седьмой позвонок, а последние месяца три у тебя еще вот тут стало тянуть, – положила ладонь себе на грудь, – и воздуху не хватает, да?

Наталья кивнула. С тех пор, как Гена ушел, несколько раз в месяц она просыпалась ночью, задыхаясь.

– К доктору тебе надо, – сказала Людмила, – обследоваться, анализы сдать, таблеточки принимать.

Наталья подняла бровь – странно смотрелось сочетание ведовства с фармакологией.

– Ну, а что ты удивляешься? У меня медицинское образование, полжизни медсестрой проработала. Да и как лечить, анатомии не зная? Головой и спиной тебе надо заняться, сходишь к эндокринологу, к мануалу, а жаба эта у тебя – показала ладонью на горло и пошевелила, сжимая и разжимая кулак, – от беды, той, что на сердце лежит.

Наташка вздрогнула – действительно, иногда она просыпалась ночью. Ей снилось, что на груди сидит огромная жаба и ухмыляется прямо в лицо.

– Гуляет твой-то?

Кивнула, сглотнув комок:

– Ушел он…

– Знаю, что ушел. Иначе тебя бы тут не было. И его сейчас по лесу мотает, дурь выветривает. Надо, чтобы он ко мне тоже пришел.

На том и расстались.

А тем временем по лесу неслась замызганная, как участница автопробега «Жижа-2010», Нива. Внутри шел ленивый разговор. К пятому дню навалилась усталость, и признаться, никто уже не верил в успешный исход предприятия. Поиски продолжались по инерции. Кроме Генки

и Саши-водителя, в машине были еще Колька с Серегой, бывшие одноклассники. Они присоединились в самом начале. Рулили по очереди, в перерывах трепались, не забывая смотреть по сторонам.

– Не, главное, МЧСники хороши, – буркнул Сашка, – нету техники, нету людей. А болото, главное, есть. Чего, мол, вы от нас хотите?!

– Ну, правда, а что они могут сделать, – возразил Серый.

– Знаешь, пропади тут особо важный дед, ВИП-дед какой-нибудь, не нашему чета, прости меня, Гена, отец министра там или свекор, тут же налетели бы вертолеты и набежали все розыскные собаки северо-запада!

– Эт точно.

Справа за ветками мелькнула рябь.

– Притормози-ка, Санек, – кажись, озеро. Может, привал? Жрать охота, – напарники глянули на Генку, тот кивнул.

От усталости ли, от недосыпа, пребывал он в состоянии автопилота, когда происходящее воспринималось отстраненно, как документальный фильм, не вызывая внутри ни чувств, ни эмоций. А звуки при этом – рев ли двигателя, чирканье спичкой, шум воды или птичий гвалт слышались предельно четко и раздражали так, будто долбили прямо в барабанную перепонку.

Вышли из машины. У озерца Сашка умылся, потом, тряхнув башкой, произнес:

– Вы как хотите, а я искупнусь. Разит как от козла, а дома все-таки, – поднял указательный палец, – женщины.

Мужики поддержали идею.

После дружно сохли на берегу, жуя сухпай.

– Молодец Наталья у тебя, Генка, – сказал Николай, – подумала. Пока мы дрыхли, и завтрак сделала, и бутерброды в дорогу…

– Нелепо было бы, – отмахнулся тот, – не ей же по лесу бегать целый день…

– А мы как-то кошку в лесу оставили, – начал рассказывать Серега, – прикинь? Уезжали километров за пятьдесят за морошкой, и потеряли. Да не специально, конечно… Дочка так просила, давай, говорит, возьмем. А та от запахов ошалела – и в чащу. Девка в слезы, а что делать? Не нашли. Домой вернулись. А по зиме кошка пришла. Облезлая, тощая, орет под дверью. Мы ее впустили, дочка вся в радости, а кошка с нами потом месяц не разговаривала. Пожрет, и демонстративно спиной сядет – что ж вы, гады, так со мной…

– Кошка – не человек, – заметил Николай.

– Так собака с Семеном, не даст пропасть.

– А может, она сбежала уже давно?

– Если б сбежала – дома уже была бы. Если нету – значит, с Семеном. Либо плутает с ним, либо, – Серега замялся, – либо тело сторожит. Они такие. Пока сама не будет от голода подыхать, тело не бросит.

Генка рассеяно слушал. В первый день поисков парни легко за такие разговоры могли бы получить в рожу. Но теперь, после стольких дней бесплотных поисков, он к этим разговорам относился безо всякого суеверия.

– А все-таки повезло тебе, гаду, – сказал Николай, дожевав последний бутерброд, – вон, жена примчалась по первому звонку, и ни пилила тебя, ни слова в укор… молодец. И баба красивая. Извини, конечно, – ни тебе чета.

Генка ухмыльнулся, но свербило почему-то, что посторонние его жену расхваливают. Непорядок.

Ну да. По деревенским меркам Наталья вообще красавица. Тут пышные формы в почете. Попытался представить, как восприняли бы приятели его Маринку.

Мысленно попробовал поставить ее и Наташку рядом. Сравнить. Но рассыпалась лесу картинка, и вместо Маринки мерещилась Наташка, моложе лет на пятнадцать, и меньше на столько же килограмм.

Как он тогда ее ревновал! Бесился, чуть подушку ночами не грыз. Она умница, и повода вроде ему не давала, а злило, что на нее посторонние гады заглядываются. Как вот сейчас.

– И руки хорошие. Тарелку поставит, хлебца отрежет, – встрял Серый.

– Ну, да, ты за бутерброд готов родину продать, – отшутился Генка.

– Ну не в этом дело. Я наблюдал вчера: спокойная такая, в разговор не встрянет, знай супчик наливает.

– А этот все о супе. Заткните проглота!

Готовит Наташка, действительно, классно. Печет здорово. Только недобрую службу ей выпечка сослужила. Как ребенка родила, дома села. И ей хорошо, и ему спокойней.

Поменялась Наташка, вышла уютная. Мягкая. Генка ее Мамой Чолли звал. Это такая негритянка, толстая и добродушная. Джаз-мама. Накормит, обогреет, позаботится. Слова против не скажет, обидишь – заплачет. Господи, да почему же она все время ревет?

И чем сейчас она недовольна? Он же помочь старается, не бросает их. Что, лучше одной сына тянуть? Если Генка звонит узнать, как дела, разве трудно ответить? А вдруг проблемы? А если у парня в школе неприятности? Почему вместо этого реветь все время надо?

Вспомнилось, на контрасте, как тогда, много лет тому, глядел в пылающие Наташкины глазищи, и горела скула от пощечины, и думал – убью! А она наступала на него яростно – не смей! Никогда больше так со мной не разговаривай! И столько силы было в маленькой этой девчушке, что тогда Генка совсем и пропал…

Куда же делось все это потом? Где растворилось? Как превратилась его Наташка в Маму Чолли? И как, уж простите, мог он теперь с мамой спать? Кому еще надо плакать: ей или Генке?..

Он поднялся и скомандовал:

– Ладно. Хватит загорать. Поехали.

Домой Наталья не спешила. Визит к Людмиле опять всколыхнул старое. Что теперь? Сможет ли она помочь?

«Девочка, не стоит он ни здоровья твоего, ни слез…» – сказала бабка ей напоследок. Но, здесь, в деревеньке этой, в который раз поняла Наталья: родной он ей, не чужой! что она не так сделала?!

Они почти не ссорились. Она сглаживала острые углы. Если Генка надувался, молчал неделями. Наталья так не умела и шла мириться. Худой мир лучше. Проглатывала обиду. Понимала. Всех и всегда. Даже, чтоб лишний раз не провоцировать мужа, стала одеваться проще, чтобы поводов для ревности не давать. Хотя тот и твердил всегда – я? Ревную? Даже не надейся. Я не знаю такого слова!

Врал он. Потому что свекровь рассказала ей, как в один, совсем не прекрасный день, собрал свекор всю косметику, все украшения Анны Степановны, выкинул духи… и объявил – ша, хватит. Нечего больше хвостом вертеть!

Смирилась свекровь и стала такой, как сейчас. Зачем, спрашивала Наташка. А знаешь, как страшно, когда он кричит, отвечала свекровь. У него же глаза белые… Лучше пусть так. Спокойнее.

Если разобраться, Наталья тоже шла этим путем. Видя, какой яростью горит мужнин глаз, как зеленеет лицо, слыша обидные вещи, не спорила. Он же хороший. Просто такая наследственность…

Собралась Людмила быстро: надела брюки, ветровку, сапоги. Взяла сумку, сунула спички в карман. Вышла из дому, скоро зашагала к лесу. Медлить было некогда. Топая по тропинке, оглянулась – казалось, деревенька нахохлилась и замерла в ожидании. Людмила чувствовала – сегодня что-то произойдет.

Шла к лесу, вспоминая утренних посетительниц. Жалко было обеих, хорошие. И свекровь, и невестка. Но знала и другое: просто так ничего не бывает. Наташку хотя бы взять.

Привозил ее Генка, лет сто тому, с родителями знакомить. Людмила помнила, как сияли у молодых глаза. Закрутило их сейчас, заморочило. И ее понять можно, и, что греха таить, его тоже. Какая Наташка сейчас? Ребенка родила, изменилась.

Сама доктор, знала Людмила все женские оправдания: после родов сбился гормональный фон. Ну-ну. У одной из десятка, может быть, что и сбивается.

Не только в гормонах дело – меняется все в голове после родов. Она помнила, как, проведя неделю в роддоме, выходишь обратно совсем другой… и себе уже не принадлежишь. Ритмы, устремления, жизнь твоя вся подчинена только маленькому человечку. Не успеваешь спать, вслушиваешься – как там малыш?

А любимому ты нужна прежняя. Тебе не до него, и на себя-то времени нет…

Нормально это, и плох тот мужик, который понять не способен. Все бы ничего, но вдруг, год спустя, находишь себя в зеркале совсем другой. И замечаешь, что муж не так на тебя смотрит. Огорчаешься, и, гори все огнем, опять идешь к холодильнику…

Нырнула в лес и двинулась в чащу. На смену птичьему гомону шло полуденное затишье. Лес молчал, приглушая чужие звуки – лай собак, стук далекого поезда, крики мальчишек да гудение сверхзвукового самолета.

От пряного воздуха голова чуть кружилась. Брела, дорогу не примечая, благо не промахнешься. Выведет. Сладко пахнуло болиголовом. Здесь. Смахнула с лица паутину, раздвинула ветки.

Болото тянулось на многие километры. Сапоги были не лишними – тут водились и змеи. К ним питала Людмила атавистический страх. Разглядывать, кто перед ней – гадюка или безобидный уж, она точно не будет – рванет, не разбирая дороги.

Осторожно ступая по кочкам, двинулась вглубь. Пройдя несколько шагов, остановилась, прислонившись к деревцу. Раскрыла сумку. Извлекла ярко-зеленые стеклянные бусы. Руками развела изумрудную ряску. Образовалось бурое водяное оконце. Несколько раз хлопнула ладонью по воде, прошептав одной ей ведомые слова. Достала из сумки свечку, зажгла. Посветила огоньком над водяным оконцем, словно давая сигнал. Потом опустила украшение в воду.

Поднялась, отряхнулась. Теперь можно в обратный путь.

Вернувшись домой, Наталья обнаружила, что свекровь развила бурную, по ее меркам, деятельность. На стуле у кровати свекра появилась чистая одежда, рядом лежали полотенце, носки и бритвенные принадлежности. На тумбочке у изголовья стоял графин с морсом и журнал «Крестьянка» за прошлый месяц.

– Семен-то придет, сначала помыться захочет, побриться. Переоденется, потом приляжет отдохнуть. Тут ему и морсик. Он иногда журнал любит полистать, – пояснила свекровь.

Сама она тоже слегка изменилась: переоделась в юбку с блузой, причесалась. Выглядеть стала мило и по-домашнему, но, зная свекровь, Наталья понимала, что она оделась так, будто ждет самых высоких и дорогих гостей.

– Пойду у Таси свеклы попрошу, у меня в этом году не уродилась. Семен очень винегретик уважает, – засобиралась Анна Семеновна.

Похоже, ее бросило в другую крайность. Теперь она ждала мужа так, будто он только что ушел и вот-вот должен вернуться. Ну и пусть, рассудила Наталья. Если жив – порадуется такой встрече. А если нет… тогда свекровь еще успеет вернуться в привычное старушечье состояние.

Глава 4. Про Кощея, барбоса и большую сельскую пьянку

По обочине, пыля сапогами, брел дед. Сам едва ноги переставлял, а на руках собаку нес, вислоухую, рыжую. Ну и пара.

Грузовик притормозил, из окна глянул водитель:

– Подвезти, отец?

Рассмотрел поближе и обомлел. Кощей. Натуральный. Худой как смерть; черные круги под глазами, запавшая челюсть. Да и собака не лучше – грязная, клочкастая, в репьях. Покосилась недобро, рыкнула. Вышло тихо и неубедительно, однако намерение обозначилось. Взгляд был больной и мутный. Смирившись с неудобной позой, сидела на руках у деда и не дергалась – непонятно, как вообще дышала – скрюченные пальцы накрепко вцепились в шкуру.

– Ты откуда такой, дед? – водитель соскочил с подножки, – подвезти, может? Живешь-то где?

До ближайшего поселка верст двадцать. Кругом леса: аккурат граница новгородской и псковской области. Откуда старик вышел – непонятно.

Дед пошамкал губами, силясь ответить, но пересохшее горло не выдавило ни звука. Водитель метнулся в кабину, схватил термос, и на ходу откручивая колпачок, протянул чай:

– Держи, отец. Пей. Да отпусти ты собаку-то!

Он попробовал разжать стариковы руки. Шавка напряглась и зарычала, оскалив зубы. Дед замотал головой, всем видом показывая, что псину не отдаст.

Вот черт, свалились на мою голову, растеряно думал шофер, и куда их теперь? Довезу до райцентра, а там пусть разбираются.

– Вот что, отец. Давайте-ка оба в кабину. С ветерком прокатимся…

В окно забарабанили поздней уже ночью, когда все спали:

– Вставайте! Нашелся, кажись, ваш дед!

Вмиг поднялась суета: заголосила свекровь, рванулся к машине Генка… сшибаясь лбами, бросились на выход мужики.

– Обязанностей у меня много, а права одни. Наталь, ты поведешь, – объявил муж.

Села за руль, зевая отчаянно – такая уж неделька выдалась, что по ночам водить приходится.

Не подвело сарафанное радио! Сегодня в райцентре была Колькина жена. Оказалось, муж ее подружки подобрал старика с собакой. Дед ничего не помнит, молчит и норовит все время заснуть. Собака рычит и скулит.

– Так это же наш, – ахнула женщина, – мой Коля который день его ищет…

Гомонили мужики, Генка сидел, подавшись вперед. Не подгонял, но Наталья чуяла его посыл: что так медленно, быстрей давай…

Старалась, хоть в темноте по ухабам непросто было. Гнала от себя, не пускала мысль: а наш ли? вдруг ошибка?..

У нужного дома тормознули, высыпали. Внутрь прошли они с Геной.

Сперва Наташка деда даже не узнала. Щетиной заросшие, запавшие щеки, глаза закрыты. Закутан одеялом, на кровати лежит. Мелькнуло – да жив ли? Рядом, под койкой в ногах – собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.